

ПЛЕХАНОВ И БЕЛИНСКИЙ*

Статья Б. Бурсова

«Плеханов много поработал для того, чтобы разоблачить идеалистическое, антинаучное представление о литературе и искусстве и защитить основные положения наших великих русских революционеров-демократов, учивших видеть в литературе могучее средство служения народу».

А. А. Жданов

«Всякий порядок идей развивается стройно лишь у себя дома, т. е. только там, где он является отражением местного общественного развития».

Г. В. Плеханов

I

В «Наших разногласиях» Плеханов писал: «Нас интересует в настоящее время история революционных идей... Для нашей цели необходимо подвести итог всем тем социально-политическим воззрениям, которые достались нам в наследство от предшествующих десятилетий» (Г. В. Плеханов о в. Социализм и политическая борьба. Наши разногласия. ОГИЗ, 1939, стр. 119).

В связи с подведением итогов социально-политическим воззрениям в России Плеханов задумал написать историю русской общественной мысли с марксистской точки зрения. Первые экскурсы в эту область были сделаны им в тех же «Наших разногласиях», отдельные главы которых посвящены Герцену, Чернышевскому, Бакунину и Ткачеву.

Понятно, что в задуманной Плехановым истории русской общественной мысли Белинский должен был занять свое определенное место. Этим и объясняется специальный интерес Плеханова к гениальному критику. В 1897 г. Плеханов напечатал две больших статьи о нем. Они, как почти и все остальные работы Плеханова того времени, полемичны по своему характеру. Впрочем, полемичной была сама задача — подвести итог развития социально-политических воззрений в России с позиций марксизма. Марксистский историк должен был вступить в борьбу с буржуазными и либерально-народническими историками.

О Белинском в те годы писали много. Основной тон этих писаний состоял в отрицании за Белинским способности к систематическому мышлению.

* Данная статья является извлечением из большого исследования о Плеханове. Поэтому не все вопросы, связанные с темой «Плеханов и Белинский», поставлены в ней. Такие вопросы, например, как отношение обоих мыслителей к «теории чистого искусства», или вопрос об «эстетическом кодексе» Белинского освещены в других частях работы, в связи с рассмотрением общих проблем методологии Плеханова.

Источники цитат из Плеханова указываются в тексте статьи (в скобках) со следующими сокращениями: Плеханов, Соч.— Г. В. Плеханов. Сочинения. М.— Л., 1923—1927 и «Л и т. н а с л е д и е» — сборники «Литературное наследие Г. В. Плеханова» (римские цифры обозначают тома названных изданий, арабские — страницы).

Михайловский в статье «Прудон и Белинский» назвал Белинского «великомучеником правды» (Н. М и х а й л о в с к и й. Соч. Т. III СПб., 1888, стр. 149). Михайловский признавал выдающийся эстетический дар Белинского, но решительно отказывался видеть в нем мыслителя. Михайловскому в этом вопросе вторил А. Волюнский, заявивший в своей книге «Русские критики», что у Белинского не было «самобытного философского таланта».

Михайловский критиковал Белинского всего более как социолога. Он объявил все философские и нравственно-политические идеи Белинского «сплошным вздором», потому что они коренным образом противоречили его «формуле прогресса».

Волюнский критиковал Белинского всего более как философа, не видя в нем последовательного идеалиста.

Восторженную статью о Белинском напечатал в «Русском богатстве» (1898) Венгеров. Статья его носит характерное заглавие: «Великое сердце».

Венгеров не допускает никаких резких выражений по адресу Белинского. Он только, по словам Плеханова, старается «смягчить многие „крайности“ в характере и особенно во взглядах Белинского...» (П л е х а н о в. Соч., X, 325). Венгеров утверждает, что Белинский никогда не был «социалистом» и что это наименование по недоразумению утвердилось за ним. Называя себя «социалистом», Белинский якобы хотел только указать на то, что он интересуется «социальными», т. е. общественными, вопросами. Венгеров «доказывает», что Белинский руководствовался в своей деятельности не идеями б о р ь б ы к л а с с о в и политической экономии, как некоторые думают, а идеями ч е л о в е ч е с т в а и в е р ы в «золотой век».

Статьи Плеханова о Белинском, как мы уже сказали, полемичны по своему характеру. Марксистская история русской общественной мысли формировалась в борьбе с буржуазной и либерально-народнической историографией. Но Плеханов буквально походя опровергает своих противников. Основное содержание его статей — положительное развитие его собственных взглядов.

Статья «Белинский и разумная действительность», первая из цикла статей Плеханова о Белинском, имела своей главной задачей доказать, что великий критик был, вместе с тем, и великим мыслителем, стоявшим на уровне наиболее передовой общественной мысли своей эпохи, что он первым в России направил нашу общественную мысль в научное русло, вооружил ее новым методом.

Деятельность Белинского, как одного из величайших мыслителей XIX в., рассматривается Плехановым в двух планах: в общеевропейском и в национальном, русском.

Историю умственного развития Белинского Плеханов, как известно, делит на три периода: в первом Белинский «жертвовал действительностью ради идеала», во втором — «идеалом ради действительности», а в третьем — «он стремился примирить идеал с действительностью посредством и д е и р а з в и т и я, которая дала бы идеалу прочное основание и превратила бы его из „а б с т р а к т н о г о“ в к о н к р е т н ы й» (П л е х а н о в. Соч., X, 242).

Белинский начал свою деятельность после поражения декабрьского восстания, которое произвело на него сильнейшее впечатление. Он был полон героических стремлений, но «сознавал себя нулем». Оптимизм был унаследован от предшествующей эпохи, а пессимизм явился следствием декабрьского разгрома. У Белинского было два выхода из того положения, в котором он оказался: 1) индифферентизм; 2) искание в науке и в философии объяснения и указания. Белинский идет по второму пути» («Лит. наследие», VI, 132).

Увлекаясь «абстрактным героизмом», Белинский заявлял себя еще наследником XVIII в., пренебрегавшего историей. Но опыт общественной борьбы в России разбивал эти увлечения, и Белинский продолжал сознавать себя «нулем». Белинский с самого начала своей литературно-политической деятельности не мог удовлетворяться абстракциями. В его лице на историческую сцену выступали новые социальные силы, которые требовали конкретных ответов на конкретные вопросы. Напомним знаменитую формулу Ленина, определяющую историческое место великого критика:

«Предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении был еще при крепостном праве В. Г. Белинский»

БЕЛИНСКИЙ

Эскиз маслом И. А. Астафьева, 1879 г.

Литературный музей, Москва

(В. И. Ленин. Соч. Изд. 3-е. Т. XVII. М.—Л., стр. 341). А Плеханов писал о Белинском: он «обнаружил всю страстность и всю революционную энергию, которые были так свойственны нашим разночинцам последних десятилетий. В этом отношении он далеко оставил за собою своих друзей из образованного и гуманного дворянства». Как революционный разночинец, «он сталкивается с проклятыми вопросами» («Лит. наследие», VI, 132).

И Белинский взялся за решение этих «проклятых вопросов», обращаясь за помощью к философии. В течение своей жизни он пережил увлечение Шеллингом, Фихте, Гегелем, Фейербахом; в последние годы он с жаром читал молодого Маркса. Он с невероятной быстротой переходил от одной фи-

лософской системы к другой. «На этом основании, — пишет Плеханов, — многие вообразили, что он в самом деле не имел „философского таланта“, и на него стали посматривать сверху вниз, с некоторым снисходительным одобрением даже такие люди, которые, в смысле способности к философскому мышлению, недостойны были бы развязать ремень у ног его. Эти самодовольные господа забыли или не знали, что во времена Белинского пути к общественному счастью искала в философии почти вся мыслящая Европа» (П л е х а н о в. Соч., X, 219—220).

Белинский также искал в философии пути к счастью и благу своей родины. Так он пришел к Гегелю. Он пришел к нему путем выяснения исторического развития России.

Белинский был захвачен философией Гегеля. «Почему? — спрашивает Плеханов. — Потому же, — отвечает он, — почему она захватывала лучшие умы в Германии... Штраусс. Б. Бауер. Фейербах. Лассаль. Энгельс. Маркс» («Лит. наследие», VI, 132).

«В лице Белинского, — пишет Плеханов, — русская общественная мысль впервые с гениальной смелостью взялась за решение той же великой задачи, которая... влекла к себе лучшие умы девятнадцатого века» (П л е х а н о в. Соч., X, 231).

Иначе говоря, Белинский решал задачу, поставленную перед ним потребностями внутреннего развития России, но он решал ее в русле общеевропейской мысли.

Ответив на вопрос, почему Белинский пришел к Гегелю, Плеханов затем ставит и решает другой вопрос — каково было истинное отношение Белинского к философии Гегеля.

Ссылаясь на стр. 233 первого тома книги А. Пыпина «Жизнь и переписка Белинского», где приводится письмо Белинского к Бакунину, датированное 1838 г., Плеханов сделал следующую запись в своей тетради: «Белинский не признает себя учеником Гегеля в полном смысле слова» («Лит. наследие», VI, 160).

Мысль о том, что Белинский даже в пору увлечения Гегелем проявлял полную самостоятельность в своих суждениях, составляет одно из главных положений всех статей Плеханова о Белинском. Между учением Гегеля о разумной действительности и взглядами Белинского периода его примирения с русской действительностью Плеханов находит не только моменты сходства, но и моменты глубокого, принципиального различия.

Начало примирения Белинского с действительностью Плеханов относит к середине 1837 г. В письме от 7 августа 1837 г. Белинский говорит об особой исторической судьбе России, о том, что она может достигнуть своего благополучия только путем распространения просвещения и нравственного совершенствования граждан. Спасение России Белинский видит не в политике, а в науке. Плеханов утверждает, что это «совсем не гегелевский взгляд» (П л е х а н о в, Соч., X, 222).

«Для нас, — пишет Плеханов, — важно то, что к примирению с русской действительностью Белинский пришел путем хотя бы и неверного и вообще крайне поверхностного выяснения ее исторического развития» (П л е х а н о в. Соч., X, 222). Таким образом, не увлечение Гегелем, а стремление выяснить особенности исторического пути и исторической судьбы России временно привело Белинского к «вынужденному примирению» с действительностью. Увлечение Гегелем, следовательно, было не причиной, а следствием.

Вначале примирение Белинского с действительностью было, в сущности, условно. Оно означало только то, что Белинский отказывался от политических методов борьбы с самодержавием, будучи, однако, «очень далек от консерватизма» (П л е х а н о в. Соч., X, 222). Белинский тогда

еще не умалчивал ни об одном из многочисленных недостатков политического и экономического строя России. Он только объяснял все недостатки молодостью ее. Из всех царей ему нравился только Петр Первый, как царь-реформатор, оторвавший Россию от ее прошедшего.

Основываясь на всем этом, Плеханов писал: «Белинский мирился не с действительностью, а с печальной судьбой своего абстрактного идеала. Еще недавно он мучился, сознавая, что этот идеал не находит никакого приложения к жизни. Теперь он отказывается от него, убедившись, что он неспособен привести ни к чему, кроме «абстрактного героизма», бесплодной вражды с действительностью. Но это не значит, что Белинский поворачивается спиной к прогрессу. Вовсе нет. Это значит только, что теперь он собирается служить ему иначе, чем собирался служить прежде» (П л е х а н о в. Соч., X, 223).

Некоторые исследователи распространяют приведенные слова Плеханова на весь примирительный период Белинского. Это ошибка. Плеханов, как мы увидим дальше, имел в виду только начальную стадию этого периода.

Почему же Белинский разочаровался в политике? Это случилось потому, что его политические идеалы были абстрактны. История политической жизни народов и государств понималась им еще очень поверхностно. Он с болью в душе смотрел на политическую борьбу французского народа. По его мнению, она ничего хорошего не дала ему. Следовательно, и России она тоже ничего хорошего не сулила. Исторические параллели между Россией и Францией приводили его раньше «к тяжелым и почти безнадежным выводам» (П л е х а н о в. Соч., X, 222). Теперь, поскольку России предсказывалась особая судьба, надобность в этих параллелях отпала.

Все надежды теперь возлагались на науку. Но надежды эти оказались иллюзорными. Надеяться на науку — означало оставаться на уже осужденных рационалистических позициях. Это вскоре стало ясно. О т к а з о т п о л и т и к и не дал ожидаемых результатов. Тогда Белинский оказался вынужденным пойти на полное примирение с действительностью. Пришлось сначала научиться объяснять, п о ч е м у существует то или иное общественное явление, чтобы затем научиться объяснять также и то, п о ч е м у оно должно прекратить свое существование.

У Плеханова речь идет всего о двух годах примирения Белинского с русской действительностью. Начало «примирения» Плеханов приурочивает к концу 1837 г., конец — к последним месяцам 1839 г. Плеханов констатирует, что явное недовольство философией Гегеля началось у Белинского еще до появления в свет его статьи об «Очерках Бородинского сражения» Глинки. Плеханов цитирует строки из письма Белинского к Боткину, относящегося к концу 1839 — началу 1840 г.: «Жизнь — в книгах, а в жизни — ничто». Несомненно, эти строки имеют антигегелевский смысл.

В одной из папок с рукописями работ Плеханова о Белинском мы нашли отрывок, содержащий следующий, еще не бывший в печати текст: «... восставая против „философского колпака“ Гегеля, а вместе с тем и против гнусной российской действительности, — гениальный критик не любил даже вспоминать об этих статьях, считая их позорной ошибкой. Гораздо снисходительнее смотрят на них благосклонные к Белинскому историки русской литературы: в их глазах они являются крупным, но вполне извинительным промахом молодого ума, до самозабвения увлеченного теорией и потому готового, без колебаний и без сожалений, приносить ей в жертву интересы практики. Но этот взгляд объясняет лишь психологическую сторону дела, да и для ее объяснения он не дает ничего нового» (Рукопись — архив Дома Плеханова).

В этой заметке Плеханов, несомненно, имеет в виду статьи Белинского «Очерки Бородинского сражения», «Менцель — критик Гете» и «Горе от ума».

Именно их Белинский считал своей «позорной ошибкой». Но у Белинского была и другая оценка этих статей, особенно первой из них. Он несколько раз указывал на то, что она верна по своей идее.

Верна по идее, но ошибочна по выводам — вот отношение Белинского к этой своей статье. И Плеханов полностью соглашается с ним. А каков же смысл его полемики с «благосклонными к Белинскому историками русской литературы»? Смысл этот состоит вот в чем.

Снисходительно относясь к примирительным взглядам Белинского, сводя все дело к его личным качествам, молодости и горячности, «благосклонные» к нему историки русской литературы только запутывали вопрос, а не решали его. Они не видели большой беды в том, что Белинский пошел на «перемирие» с крепостным правом и самодержавием. По той же причине, по которой им была непонятна глубина теоретических запросов Белинского, они не поняли и подлинного смысла его «позорных ошибок».

Плеханов резко восставал против поверхностно-биографического подхода к истории умственного развития Белинского. Для него Белинский — центральная фигура эпохи.

«В своем увлечении философией Гегеля, — говорит Плеханов, — Белинский должен был начать именно с оправдания самодержавия, крепостного права и прочих, подобных им, гнусностей, так как эти гнусности, конечно, особенно сильно мучили его в предыдущую фазу его умственного развития» (П л е х а н о в, Соч., X, 338).

Раньше Белинский смотрел на историю, как на цепь случайностей, которыми управляет и которые подчиняет себе воля человека. Этот взгляд потерпел полный крах. Теперь Белинский хотел видеть в истории одну только железную необходимость и целесообразность. Он стал доказывать разумность всех общественных явлений, но он доказывал это вовсе не потому, что убедился на практике в их благе. Он делал это в силу ограниченности своего понимания законов исторического развития. От абстрактного отрицания он вынужден был отказаться, обоснованного же отрицания он еще не сумел создать. Все усилия его уходили на то, чтобы доказать законосообразность всего существующего.

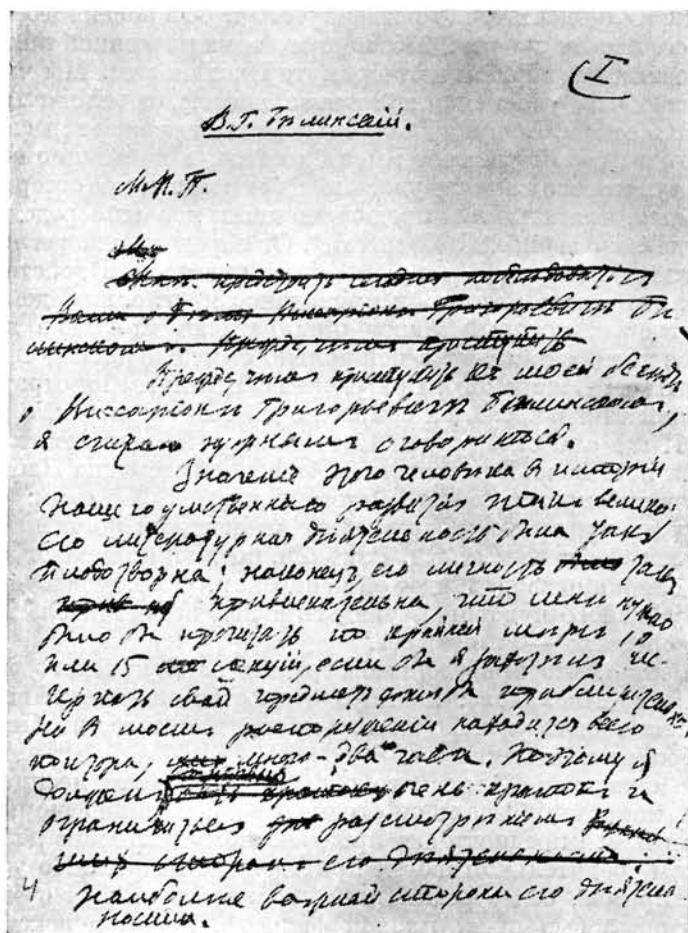
Плеханов не то, что «простил» Белинскому его «позорные ошибки» — он объяснил их. Общественное развитие России поставило перед Белинским, как первоочередную задачу, преодоление рационалистического взгляда на общественные явления. Это огромной важности и огромной трудности задача. И то, что в статьях о Бородинской годовщине Белинский положил начало ее решению, было величайшим достижением русской общественной мысли. В этих статьях «Белинский, — говорит Плеханов, — искал критерия разумности общественных явлений» (П л е х а н о в, Соч., XXIII, 135). Утверждая, что всякое общественное учреждение вызвано к жизни определенными общественными условиями, Белинский, по словам Плеханова, «высказывал положение, совершенно верное в социологическом смысле» (П л е х а н о в, Соч., XXIII, 135).

Но это была однобокая, ошибочная, консервативная в своей основе социология. Вина за нее ложилась не столько на самого Белинского, сколько на всю русскую и европейскую общественную мысль, которая тогда делала только первые шаги на пути выработки исторического метода изучения общественной жизни.

Так Плеханов объяснил ошибки Белинского «примирительного периода». Он связал их с общим состоянием русской и европейской общественной науки, ограниченность которой в скором времени преодолел Белинский, если не во всем, то, во всяком случае, во многом.

Плеханов не отождествлял примирительные взгляды Белинского, временно оправдывавшего самодержавие и крепостное право, с примиритель-

ными взглядами Гегеля. Для Гегеля они были итогом его развития, завершением всей его философской системы; для Белинского — только отдельным этапом в его умственной жизни. Философия Гегеля учила интересы о б щ е г о ставить выше прихотей и даже существенных интересов отдельного человека. Плеханов считал, что этот тезис сам по себе приемлем. Дело только в том, говорит Плеханов, что интересы «дорогого этой философии общего были интересами застоя». И «Белинский, — продолжает

АВТОГРАФ НАБРОСКА РЕЧИ ПЛЕХАНОВА О БЕЛИНСКОМ, 1898 г.

Лист первый рукописи

Музей Г. В. Плеханова, Ленинград

Плеханов, — почувствовал это инстинктом значительно раньше, чем сознал разумом» (П л е х а н о в. Соч., X, 234). Еще в конце 30-х годов прошлого столетия Белинский понял ограниченность философии Гегеля, ее глубочайшую противоречивость. Ему, по словам Плеханова, было ясно, что Гегель является «философским банкротом» (П л е х а н о в. Соч., X, 237). Мир с прусской действительностью был, в сущности, идеалом Гегеля. Этим, в значительной степени, и объясняется возникновение его учения о разумной действительности. Идеалом Белинского была война, а не мир с русской действительностью. Он только на время пошел на «перемирие» с нею.

Плеханов склонялся к той точке зрения, что у Белинского, по существу, не было настоящего «примирения» с действительностью. Вот что он записал в свою тетрадь при чтении книги А. Пыпина «Жизнь и переписка В. Г. Белинского» (экземпляр этой книги хранится в Доме Плеханова, с многочисленными плехановскими пометками на полях): «Из упреков, которые ему <Белинскому> делают друзья, видно, что для кружка речь шла прежде всего о п о н и м а н и и действительности, а не о примирении с нею» («Лит. наследие», VI, 160). Записывая эту мысль, которая, к сожалению, не получила достаточно развернутого и обоснованного выражения, Плеханов ссылается на стр. 235 первого тома названной книги Пыпина. Верхняя часть этой страницы отчеркнута Плехановым. Мы читаем здесь: «На обвинение, что, увлекаясь действительностью, он отложил мысль в сторону, отрекся от нее, Белинский отвечает, что он уважает мысль, но мысль конкретную, и притом уважает мысль вообще, а не именно его собственную; — „но чувство м о е вполне уважаю, и вот почему: мое созерцание всегда было огромное, истинные мои предположения и мое непосредственное ощущение всегда было вернее м о е й мысли“. Он передает свой взгляд в следующем афоризме: „человек, который живет чувством в действительности, выше того, кто живет мыслью в призрачности <т. е. вне действительности>; но человек, который живет <конкретною> мыслью в действительности, выше того, кто живет в ней только своею непосредственностью“».

Все цитаты из Белинского, приведенные Пыпиным на страницах 231—234 названной книги, касаются вопроса о действительности, о новом понимании ее. И все они отчеркнуты Плехановым. Против некоторых из них он поставил *nota bene*. В частности, *nota bene* поставлена Плехановым перед следующим определением действительности Белинским: «...Действительность есть чудовище, вооруженное железными когтями и огромной пастью с железными челюстями. Рано или поздно, но пожрет она всякого, кто живет с ней в разладе и идет ей наперекор. Чтобы освободиться от нее и, вместо ужасного чудовища, увидеть в ней источник блаженства, для этого одно средство — сознать ее».

Нам думается, что приведенные отрывки из Белинского подкрепляют предположение Плеханова: не мира с действительностью искал Белинский, а, может быть, только компромисса, для того, чтобы выработать более глубокое понимание ее.

Прежнее суждение Белинского о действительности носило чисто теоретический характер. Теперь он стремится к сочетанию теории и практики, отдавая явное предпочтение практическому познанию действительности. Об этом убедительно говорят приведенные цитаты. Но у Белинского есть более прямое, более решительное заявление на этот счет: «Петр Великий, который был очень плохой философ, понимал действительность больше и лучше, нежели Фихте. Всякий исторический деятель понимал ее лучше его. По моему мнению, если понимать действительность сознательно, так понимать ее, как понимал ее Гегель; но много ли так понимают ее? — пятьдесят человек в целом свете; так неужели же все остальные — не люди?» (А. Пып и н. Жизнь и переписка Белинского. Т. I. СПб., 1876, стр. 235).

Белинский, как видим, отнюдь не отказывался от философского суждения о действительности. Но все-таки активное отношение исторического деятеля к действительности ему ближе.

Плеханов ошибается, думая, что Белинский утрачивал в это время интерес к теоретическим вопросам и готов был «удовольствоваться инстинктивным сознанием разумности окружающей его жизни» (П л е х а н о в. Соч., X, 225). Такая тенденция тоже была у Белинского, но она имела второстепенное значение. Не в ней было дело. Дело, главным образом, состояло в том, что Белинский начинал осознавать односторонность теоретиче-

ского познания мира. В этом направлении, безусловно, и шла работа Белинского над созданием новых понятий о действительности.

«Диалектический идеализм, — пишет Плеханов в статье „Белинский и разумная действительность“, — правильно поставил великую задачу общественной науки девятнадцатого века: изучение общественного развития как законосообразного процесса, — но он не решил ее, хотя, правда, в значительной степени подготовил ее решение» (Плеханов. Соч., X, 243).

Это значит, — пока Белинский оставался идеалистом, последователем Гегеля в области философии, он не мог ответить себе на те вопросы, которые волновали и мучили его. Он только поставил эти вопросы. Поэтому разрыв с Гегелем был неизбежен. При таком объяснении философской эволюции Белинского — а Плеханов именно так объясняет ее — следующий этап в умственном развитии гениального критика опять-таки выглядит как дальнейший шаг в движении вперед русской общественной науки. Белинский потому порвал с Гегелем, что он не удовлетворился гегелевским объяснением исторического развития общества. В лице Белинского русская общественная мысль переросла уровень философии истории Гегеля.

Белинского не устраивало не только учение Гегеля о разумной действительности, — хотя это учение было первопричиной разрыва, — его не устраивала вся гегелевская философия, в том числе и его диалектика, ибо она была идеалистической. Вот что, по этому поводу, читаем в замечательной по своей глубине черновой записи Плеханова: «О т н о ш е н и е Б е л и н с к о г о к Г е г е л ю. Отрицатели спрашивают себя: но ведь действительность не вечна, и получают утешение. Нет, не только это: они получают возможность р а б о т а т ь. Элементы развития в философии Гегеля... О б ъ е к т и в и з м Г е г е л я. Разница между мировым разумом и индивидуальным разумом. Нет соответствия между личными идеалами и мировым разумом. Гегель отвечал: ваши идеалы не имеют смысла. Наш субъективный разум не может быть мерилом общественного развития. Вся философия Гегеля была направлена на то, чтобы умирять личность» («Лит. наследие», VI, 178). Из этой записи, как из ряда других документов, видно, что Плеханов имел в виду три пункта, по которым Белинский в корне разошелся с Гегелем.

Во-первых, Белинский требовал от философии не утешения, — «действительность не вечна», — а точного указания, как и куда приложить свои усилия.

Во-вторых, Белинский считал, что всякое движение общества вперед должно осуществлять личные идеалы людей. Иначе оно бессмысленно. Философия Гегеля не считалась с личными идеалами, поскольку, с ее точки зрения, абсолютный разум в своем развитии имеет свою собственную цель, и людские воли и желания — тут непричем.

И, наконец, в-третьих, философия Гегеля лишала субъективный, человеческий разум права судить об исторических событиях и их смысле, поскольку не он является творцом их. При таком взгляде на историю все события приобретают одинаковый смысл, как необходимые, а следовательно, и разумные.

Белинский не мог не восстать против этого. Он обвинял философию Гегеля в том, что, при своем безразличии к историческим явлениям, она была способна оправдать любые кровавые преступления против человечества. Он считал, что философия должна указать те средства, «с помощью которых разум восторжествует над слепой случайностью» (X, 237). Философия Гегеля не в состоянии была это сделать.

Так ставил и решал Плеханов вопрос об отношении Белинского к философии Гегеля. Он рассматривал этот факт не как эпизод в жизни

Белинского, а как важнейший период в истории русской общественной мысли.

К сожалению, последующие этапы философской эволюции Белинского не получили такой полной и подробной характеристики у Плеханова. Весьма отрывочно говорит он об отношении Белинского к Фейербаху. Неоднократные указания Плеханова на то, что, порвав с Гегелем, Белинский стал верным и последовательным учеником Фейербаха, навязчивы, мало обоснованы и, безусловно, односторонни. Плеханов сам почувствовал это и однажды попытался исправить положение. В работе о Чернышевском он счел необходимым написать следующие строки: «... У Белинского очень сильно была диалектическая закваска, — сильнее, чем у самого Фейербаха...» (Г. В. Плеханов. Н. Г. Чернышевский. СПб., 1910, стр. 240).

Вообще у Плеханова было противоречивое отношение ко взглядам Белинского последнего периода его деятельности. Этот вопрос будет подробно рассмотрен ниже. Здесь мы остановимся только на той тенденции в работах Плеханова, — по нашему мнению основной их тенденции, — согласно которой Белинский в последние годы своей жизни двинул далеко вперед русскую общественную науку вообще и эстетику в частности.

Порвав с Гегелем, Белинский с еще большим упорством стал работать над тем, чтобы создать «идею отрицания» теперь уже на материалистической основе. Путь, на который вступал Белинский, был тот же самый, по которому шли на Западе Маркс и Энгельс. «Мысль его, — пишет Плеханов о Белинском, — плодотворно работала в том самом направлении, в котором двигалась самая передовая мысль самых передовых стран Запада. Недаром он с увлечением читал „Deutsch-Französische Jahrbücher“, издававшиеся в Париже Арнольдом Руге и Карлом Марксом» («Лит. наследие», VI, 145).

Белинскому не удалось до конца выработать идею отрицания путем развития применительно к русской действительности. Помехой этому были неразвитые отношения русской общественной жизни. Белинский не встречал в окружающей действительности «ни одного объективного начала, способного привести в своем развитии к отрицанию „гнусной действительности“» (Плеханов. Соч., XXIII, 141). Поэтому он нередко апеллировал к отвлеченному понятию о человеческой личности, покидая точку зрения диалектика и становясь на точку зрения просветителя. Он переоценивал роль интеллигенции в общественном развитии и недооценивал самостоятельность народных масс. Это была ошибка. Но «эту ошибку долго после него повторяли люди, выросшие при новых экономических условиях, которые, казалось бы, давали им возможность отнестись к самостоятельности пролетариата с несравненно большим доверием. Эта ошибка была замечена только русскими марксистами» («Лит. наследие», VI, 145).

Белинского Плеханов называет предшественником русских марксистов, которые выступили на историческую арену почти полвека спустя после его смерти.

Тут мы должны коснуться вкратце плехановской концепции развития русской общественной мысли. Плеханов, как и Ленин, считал, что русская общественная мысль домарксистского периода достигла своего высшего предела в работах Белинского, Чернышевского и Добролюбова. После них начался спад. Вот почему они, а не народники, деятельность которых относится к более позднему периоду, являются непосредственными предшественниками русских марксистов.

Белинского, Чернышевского и Добролюбова, в силу сказанного, отличают чрезвычайно глубокие теоретические запросы. В этом смысле

ИЗДАНИЕ РЕЧИ ПЛЕХАНОВА
О БЕЛИНСКОМ, ПРОИЗВЕ-
СЕННОЙ ПО СЛУЧАЮ 50-ЛЕТΙΑ
СО ДНЯ СМЕРТИ КРИТИКА

Титульный лист

они резко выделяются на фоне остальной прогрессивной общественной мысли в России.

Как человек громадных духовных запросов, Белинский не был вполне понят даже передовыми своими современниками, в том числе и ближайшими своими друзьями. Плеханов не исключает в этом смысле и самого Герцена. Но относительно Герцена Плеханов далеко не во всем прав. Конечно, Белинский был более последовательным демократом. В связи с этим у него, конечно, была более острая потребность выработать идею отрицания путем развития. Однако вряд ли это обстоятельство могло явиться препятствием к тому, чтобы Герцен мог понимать теоретические запросы Белинского. Он, конечно, понимал их и, как теперь доказано, оказал весьма благотворное влияние на самого Белинского.

Герцен и, в особенности, Тургенев, как думал Плеханов, послужили источником для всякого рода историко-литературных легенд, в неверном, искаженном свете рисовавших Белинского. Тургенев говорил, что эпоха поставила перед Белинским задачу выйти за пределы эстетики, но эта задача, хотя и отчасти, была решена не им, а Валерьяном Майковым.

Основываясь на подобных высказываниях Тургенева, некоторые историки литературы тратили массу усилий на то, чтобы выдвинуть на первый план как центральную фигуру эпохи В. Майкова и заслонить им Белинского. Многое делал в этом направлении К. Арсеньев, а затем А. Скабичевский. Они утверждали, во-первых, что многие критические принципы Белинского принадлежат вовсе не ему, а заимствованы им у Майкова; во-вторых, они заявляли, что эстетические воззрения Майкова имели под собой твердую научную почву, тогда как литературная критика Белинского нередко была беспочвенна.

Плеханов разбил эту легенду в своей известной статье «Виссарион Белинский и Валериан Майков». Он великолепно показал, что в самом противопоставлении Майкова Белинскому было своеобразное знамение времени.

Сопоставляя взгляды Белинского со взглядами Майкова, Плеханов находит громадную разницу между ними. Если Белинский был предшественником русских марксистов, то Майков готовил почву для субъективных социологов. У него «можно найти несколько формул, довольно близких к формуле прогресса Михайловского» (Плеханов, Соч., XXIII, 259). Плеханов удивляется, почему на одну из формул Майкова — «Жизненность, то-есть гармоническое развитие всех человеческих потребностей и соответствующих им способностей» — почему на эту формулу «до сих пор не обратил внимания наш глубокомысленный индивидуалист г. Иванов-Разумник» (Плеханов, Соч., XXIII, 259).

Скабичевский утверждал, что Майков более глубокий мыслитель, нежели Белинский. И это соответствующим образом характеризовало самого Скабичевского. Он «сам был одним из представителей эпохи, последовавшей за удалением с литературной сцены Добролюбова и Чернышевского и характеризующейся понижением уровня передовой общественной мысли» (там же).

В архиве Плеханова сохранились две большие тетради с выписками и материалами для статьи «Виссарион Белинский и Валериан Майков». Эти выписки и замечания на них Плеханова являются ценнейшими документами, показывающими, как непримирим и последователен был Плеханов в своей борьбе со всякого рода сознательными и бессознательными искажениями великой исторической роли Белинского.

Вот две выписки из статьи А. В.—на «Валериан Майков», напечатанной в «Вестнике Европы» за февраль 1892 г., с замечаниями на них Плеханова.* «В тех же 40-х годах в новом поколении, которого особливим выражением являлся Майков, к старому движению (*в области мысли*. — Г. П.) присоединяется новая черта — особый интерес к явлениям социального характера...» В конце выписки вопрос Плеханова: «А Герцен и его кружок в 30 гг.?»

Другая выписка: «Читая Майкова, не трудно убедиться, что в этих именно социалистических или социологических интересах заключается корень его взглядов на вопросы русской литературы и здесь его главная разница или точнее дальнейший шаг (!? — Г. П.) сравнительно с кругом предшествующего поколения. Это последнее выходило из гегелевской философии. В. Майков с самого начала относится к немецкой философии и к самому Гегелю критически, даже отрицательно; выше немецкой метафизики стоит для него общественная наука (*утопическая*. — Г. П.), которую он уже тогда тесно связывал с антропологией...

...Различие состояло в том, что, например, для Белинского общественные вопросы этого рода стали позднейшей, более или менее случайной и до конца недостаточно разработанной добавкой к его старому кругу идей (*но в этом «старом» круге основа была именно социологическая; ср. статью о «Бородинской годовщине»*. — Г. П.), когда для нового поколения это был основной исходный пункт, при том не отвлеченный, а реальный... В философии В. Майков, отвергая Гегеля, склонялся к «положительной философии Конта...» В конце выписки слова Плеханова: «Тут-то и был камень преткновения».

* Замечания Плеханова как внутри текста выписок, так и в конце их даются нами *курсивом*. Все выписки приводятся по подлинникам, хранящимся в архиве Дома Плеханова в Ленинграде.

Приведем еще одну выписку из статьи К. Арсеньева «Валериан Майков» («Вестник Европы», 1886, апрель): «Рядом с психологией в критике Майкова играет большую роль история и социология». *«Какая же социология?» — спрашивает Плеханов. — Преимущественно — Конта. Это шаг назад в сравнении с Гегелем.*

Полемизируя с апологетами Валерьяна Майкова, Плеханов развертывал одно из основных положений своей концепции развития русской общественной мысли. Во всех своих многочисленных работах, посвященных этой теме, он доказывал, что основополагающим предшественником русской подлинно научной социологии является Белинский и — никто другой. С исчерпывающей ясностью это положение сформулировано Плехановым в его речи о Белинском, произнесенной весной 1898 г. Белинскому, говорит здесь Плеханов, надо было показать, что тот общественный порядок, который тяготил его самого и его единомышленников, «не мог быть вечен, что он имеет лишь временное, преходящее значение и что последующее историческое движение непременно должно его смести с лица русской земли, как смело оно, скажем, порядки удельно-вечевое периода. Сделать это, значило выработать цельную и стройную философию русской истории» (Плеханов. Соч., X, 339).

По Плеханову, если Белинский и не создал ее, т. е. «цельную и стройную философию русской истории», то заложил прочные основания для создания ее. Отсюда плехановское определение: «Белинский — предшественник русского марксизма» («Лит. наследие», VI, 135).

Этими словами Плеханов достаточно точно определяет историческое место и историческую роль Белинского. Но есть другая сторона вопроса. Интересы каких социальных слоев выражал Белинский? О знаменитом письме Белинского к Гоголю Плеханов говорит, что оно полно «страстного революционного протеста» (Плеханов, Соч., XXIII, 199). Но от имени каких социальных слоев ведется этот протест? Плеханов думал, что от имени разночинцев. Вот тут-то и лежит камень преткновения. Великий смысл борьбы Ленина против «веховщины» состоит в доказательстве того, что революционная интеллигенция (а следовательно, и разночинцы) всегда была неразрывно связана с народными массами, что идейные искания этой интеллигенции отражали настроения, интересы и идеалы народных масс. На это важнейшее обстоятельство, указанное Лениным, Плеханов не обратил внимания.

В сущности, из плехановских работ напрашивается такой вывод: в основе философских взглядов Белинского лежит его восприятие русской действительности. Что касается философских систем западноевропейских философов, к которым поочередно обращался Белинский, каждая из них была лишь формой, с помощью которой гениальный критик пытался придать стройность и законченность своим взглядам. Поэтому ни одна из них не могла встать стеной между Белинским и русской действительностью. Последнюю изучал он не только через посредство философии, но непосредственно, практически, причем практическое знание жизни он ценил куда больше, нежели теоретическое. И как только практическое знание вступало в явный разлад с «философской системой», Белинский немедленно отказывался от последней. Он так однажды выразился: «Я мыслю (сколько в силах), но уже если моя мысль не подходит под мое созерцание или стучается о факты — я велю ее мальчику вымести вместе с сором».

Но как раз область практического изучения русской действительности Белинским Плеханов ставил не очень высоко. Он считал такое изучение эмпиризмом. И это отразилось на его анализе философской эволюции Белинского. Порою этот анализ принимает абстрактный характер. Плеханов нередко сам подчиняется и подчиняет Белинского логике той философской системы, сторонником которой заявляет себя Белинский.

Отсюда глубокие логические противоречия в работах Плеханова о Белинском. С одной стороны, в них доказывается то, что Белинский был вполне и до конца самостоятельным мыслителем, а с другой — утверждается, что он последовательно состоял «верным учеником» таких философов, как Фихте, Гегель и Фейербах. Отмеченное противоречие коренится в том, что историческая роль Белинского рассматривается Плехановым ограниченно, исключительно с точки зрения теоретических нужд русской общественной мысли. Практика же общественной, классовой борьбы, ненависть крестьян к своим угнетателям, питавшая революционный пафос Белинского, не учтены Плехановым. В этом, в частности, и сказался меньшевизм в его исторических взглядах и методологии вообще.

II

В начале своей статьи «Литературные взгляды В. Г. Белинского» Плеханов приводит небольшой отрывок из воспоминаний И. Панаева. Смысл этого отрывка сводится к тому, что будто знакомство Белинского с философией Гегеля губительно отразилось на его литературно-критической деятельности.

К Панаеву присоединился Пыпин, к Пыпину — Полевой. Полевой писал в своей «Истории русской литературы»: «Этот период деятельности Белинского, с 1838 по 1841 г., представляет самые печальные и менее всего плодотворные годы его литературного поприща... Требуя, чтобы поэзия, бесстрастно созерцающая жизнь, существовала сама для себя и ни о чем более не заботилась, как о художественности своих форм, объявивши, что истинная поэзия есть поэзия формы, поэзия же содержания, какие бы высокие идеи в себе ни заключала, есть ублюдок поэзии и красноречия, — Белинский выключил из области поэзии и все те произведения, в которых он видел увлечение со стороны поэтов живыми вопросами общественной жизни».

Детально разбирая статьи Белинского «примирительного периода», Плеханов убедительнейшим образом доказал две вещи: во-первых, что «примирившийся с действительностью Белинский» презрительно относился к субъективному методу в литературной критике и «твердо верил в возможность найти для нее о б ъ е к т и в н у ю о с н о в у»; во-вторых, что Белинский в период увлечения гегелевой философией был, как всегда, очень далек от того, чтобы поклоняться «поэзии формы» и отрицательно относиться к «поэзии содержания».

Эстетические взгляды Белинского конца 30-х годов Плеханов подвергает серьезной критике. Белинский этих лет «нередко злоупотреблял... логическими построениями и пренебрегал фактами» (П л е х а н о в. Соч., X, 264). Он требовал от критиков, чтобы они искали в искусстве общее, а не частное, вечное, а не временное, необходимое, а не случайное. Он забывал о том, что, отворачиваясь от временного, критика должна была отвернуться от всего исторического. Он говорил о том, что творения Шекспира никак не связаны с его жизнью, и нет никакой нужды изучать его жизнь. То же самое было сказано им относительно греческой поэзии. Для понимания ее необходимо знать только то, в чем состоит «значение греческого народа в абсолютной жизни человечества».

Отмечая сильный элемент антиисторизма в эстетических взглядах Белинского 30-х годов, Плеханов, вместе с тем, настойчиво подчеркивал следующую мысль: Белинский уже в то время закладывал основы научной эстетики в России.

Плеханов утверждал, что все законы эстетического кодекса Белинского «указаны им еще в статьях, относящихся к п р и м и р и т е л ь н о м у

DOCTEUR

[II]

Гонимый, Членов.

M. R. DOORADE PLEKHANOFF

Avenue de Candolle, 5

CHATELAINES (L. 2)

CHATELAINES (L. 2)

CHATELAINES (L. 2)

Дорогой А. И. Крестов, что
не сразу отобрал: мне до-
вольно интересно книгу
Тришине о богинях, а также врач
и мед. науки. Кстати все интересно
и сразу мне с полным увере-
нием, что подлинно, как бы
сейчас вышло из природы, что
Тришине - конформисты, он, после
перехода из Москвы в Ленинград, ста-
нет агитатором и уже подлинно -
важен над совершенными

2/ Французские статьи в
журн. критики и рецензии. Сущ-
ность их, за что ориентирован
от концы и концы, сравнительно
слабопринимать кувиревны.
В журнале их откосили совер-
шенно безразлично, от ориен-
та и как бы из их ориентации по
редакции, стараясь ориентировать
прислать в журнале. Кроме
того, много много статьи и по
судебной практике, держимые

периоду его деятельности. Впоследствии он только пояснял и иллюстрировал их новыми примерами» (П л е х а н о в. Соч., X, 276).

Одним из основных законов эстетического кодекса Белинского Плеханов считал то требование к искусству, согласно которому оно обязано изображать жизнь не приукрашивая ее и не искажая. На этом требовании Белинский, по словам Плеханова, настаивал «с одинаковой энергией во все периоды своей литературной деятельности» (П л е х а н о в. Соч., X, 276). Отсюда такое заключение: в противоположность философским позициям Белинского, которые часто менялись, его эстетический кодекс, в существе своем, оставался неизменным. Это будто бы давало возможность Белинскому изменять оценки тех или иных произведений или тех или иных писателей с идейной точки зрения и оставлять неизменными свои оценки этих произведений или этих писателей с эстетической точки зрения.

Плеханов сопоставляет высказывания Белинского «примирительного периода» о Грибоедове, Шиллере и Лермонтове с высказываниями великого критика об этих же писателях в более поздний период его развития, и вот его заключения по этому поводу: «Белинский говорит здесь <в статье «Русская литература 1841 г.»— Б. Б.> об идее Грибоедова совсем не то, что говорил прежде. В этом отношении разница колоссальная. Но она не касается оценки художественных достоинств «Горя от ума». Оценка этих достоинств ничем не отличается от той, какая была сделана в примирительный период» (П л е х а н о в. Соч., X, 272). А вот резюме Плеханова по поводу оценки Белинским Шиллера: «На драмы Шиллера, как и на таковы е, Белинский всегда смотрел одними и теми же глазами. Изменялось только его отношение к свойственному этим драмам с у б ъ е к т и в н о м у э л е м е н т у. В эпоху своего „примирения“ с действительностью Белинский сводил роль субъекта к созерцанию объективного разума этой действительности; все, что выходило за пределы этой созерцательной роли, осуждалось им, как промах незрелого субъективного „мнения“. А в эпоху своего в о с с т а н и я против действительности он не мог не сочувствовать тем „личностям“, которые, подобно ему, боролись с рутиной. В третьем периоде своей жизни он сочувствовал тому, что резко осуждалось им во втором ее периоде и что нередко вдохновляло его в первом ее периоде. Но на литературные его суждения эти перемены влияли мало, а если и влияли, то разве лишь в смысле углубления этих суждений» (П л е х а н о в. Соч., XXIII, 155).

И, наконец, приведем мнение Плеханова относительно различных оценок Лермонтова, которые мы находим в статьях Белинского. В примирительный период Белинский, по мнению Плеханова, плохо понял идейное содержание произведений Лермонтова. Впоследствии он устранил этот промах. Общественное значение творчества Лермонтова было понято им в полной мере, «но на х у д о ж е с т в е н н у ю его сторону он продолжал смотреть так же, как смотрел и прежде» (П л е х а н о в. Соч., X, 275).

Смысл всех этих сопоставлений и умозаключений Плеханова ясен: в суждениях Белинского о произведениях искусства не было полного совпадения между идейными и эстетическими оценками.

Внешние основания для такого вывода, безусловно, можно найти в статьях Белинского. Белинский является автором теории о двух актах критики, которую затем с таким усердием пропагандировал Плеханов. Да и в тех оценках Грибоедова и Шиллера, которые цитирует Плеханов, действительно нет полного совпадения между идейной и эстетической точкой зрения Белинского на этих писателей.

В чем же, однако, Плеханов видит причину устойчивости эстетических оценок Белинского?

Вот тут-то и обнаруживается слабость плехановских позиций. В первоначальной редакции статьи «Литературные взгляды В. Г. Белинского»

мы находим следующий ответ на интересующий нас вопрос: «Белинский уже с самого начала своей писательской деятельности заимствовал свои литературные взгляды именно у немецких идеалистов. Это обстоятельство придает развитию этих взглядов замечательное единство» («Лит. наследие», VI, 110). Значит, устойчивость эстетических взглядов Белинского Плеханов объясняет тем, что они были заимствованы у немецких идеалистов. Неудовлетворительность такого объяснения очевидна. Философские взгляды Белинского также «с самого начала его писательской деятельности» внешне были довольно близки к немецкой идеалистической философии, и, тем не менее, это не помешало ему пережить громадную философскую эволюцию. Кроме того, не кто иной, как сам Плеханов, не один раз указывал, что Белинский еще в 1839 г. резко восстал против эстетики Гегеля, обнаружив, тем самым, замечательную силу и самостоятельность своей мысли. Остается, по сути дела, одно: признать, что постоянство эстетических позиций Белинского было одним из проявлений его замечательного критического дара. Плеханов иногда склонялся и к такой точке зрения, но это — опасная точка зрения: став на нее, можно незаметно оказаться в одном лагере с теми, кто не хотел признавать в Белинском великого мыслителя.

Вопрос поставлен так: почему в различные периоды своей деятельности, различно решая проблему идеала и действительности, Белинский всегда с одинаковой настойчивостью требовал от искусства верного изображения действительности?

В работах Плеханова нет ответа на этот вопрос. Попытаемся, не выходя за рамки нашей темы, сами ответить на него.

Возьмем «Горе от ума» и те оценки, которые давал этой комедии Белинский в разные периоды своей литературной деятельности. В статье о «Горе от ума», относящейся к «примирительному» периоду, Белинский утверждал, что сама идея комедии порочна: противоречие между отдельной личностью и обществом не может составить содержания истинно-художественного произведения, так как «общество всегда правее и выше частного человека, и частная индивидуальность только до той степени и действительность, а не призрак, до какой она выражает собою общество» (V, 84).

В своей первой оценке «Горя от ума» Белинский исходил из учения о разумной действительности. С позиций этого учения он категорически осуждал идею грибоедовской комедии, ибо это была идея не примирения с действительностью, а отрицания ее.

В своих последующих оценках комедии Грибоедова Белинский сам исходил из идеи отрицания, которую он разрабатывал в своих статьях. Грибоедовский пафос отрицания был ему теперь близок и родственен.

Если ограничиться таким внешним сопоставлением оценок «Горя от ума», относящихся к двум различным периодам литературной деятельности Белинского, то, действительно, можно прийти к тому выводу, к которому пришел Плеханов. Но тот же Плеханов заметил, хотя и не до конца понял, внутреннюю противоречивость статей Белинского о «Горе от ума». В статье «Литературные взгляды В. Г. Белинского» Плеханов отметил, что Белинский, нападая на комедию Грибоедова за отсутствие «в ней художественной целиности» (Плеханов. Соч., X, 270), восхищался ее частностями. То же самое, но в более решительной форме, говорит Плеханов в одной черновой записи, сделанной при чтении Белинского: «Как видите, — пишет Плеханов, — приговор Белинского заключает в себе не одно порицание. Комедия Грибоедова не нравится ему, как целое, но она восхищает его своими частностями. Восторженное отношение к этим частностям проходит через всю статью» (Рукопись — архив Дома Плеханова).

Какие же частности Белинский имеет в виду, восхищаясь комедией Грибоедова? Плеханов относит их к частностям художественного порядка.

Говоря о том, что между двумя оценками «Горя от ума», данными Белинским в различные периоды его деятельности, «разница колоссальная», Плеханов спешил прибавить, что «она не касается художественных достоинств» «Горя от ума». На художественные достоинства этой комедии Белинский будто бы не менял своего взгляда. Стало быть, в «примирительный» период Белинский мог восхищаться только художественной стороной «Горя от ума», не признавая ее идейного содержания.

Если встать на такую точку зрения, то Белинский предстанет перед нашими глазами в качестве холодного эстета, каким он никогда не был и не мог быть. Это — ошибочная точка зрения, и Плеханов первый восстал бы против нее. В любом художественном произведении Белинский, прежде всего, отыскивал живую мысль автора, и в «Горе от ума» его восхищала изумительная жизненность и правдивость этого произведения. Белинский только одного Чацкого не мог признать. «...Все прочие лица, — писал он, — живы и действительны» (V, 86).

Тут мы подошли к самому корню вопроса. Корень вопроса состоит в том, что Плеханов подменил одно понятие другим: понятие «правдивости» он подменил понятием «художественности», а затем противопоставил эту последнюю «идейности». На этой подмене и построена вся теория Плеханова об устойчивости эстетических оценок Белинского. Но эта теория несостоятельна: «правдивость» и «художественность» — понятия отнюдь не тождественные. Плеханов верно указал на противоречивость критических оценок Белинского примирительного периода. Но он ошибочно сформулировал смысл этой противоречивости. Белинский никогда в своей критической практике не противопоставлял «идейность» «художественности» или наоборот.

Комедия Грибоедова, в основном, верна действительности, но идея ее не соответствует учению о том, что «все действительное разумно». Вот истинное противоречие статьи Белинского о «Горе от ума», но это совсем не то противоречие, на которое указывает Плеханов.

Плеханов любил говорить о самостоятельности Белинского как мыслителя. Он очень много сделал для того, чтобы доказать это. Ему было хорошо известно письмо Белинского к Бакунину, датированное октябрём 1838 г. В своей статье «Литературные взгляды В. Г. Белинского» Плеханов приводит цитату из этого письма: «Когда дело идет об искусстве и особенно о его непосредственном понимании, — говорится в письме Белинского, — я смел и дерзок, и моя смелость и дерзость в этом отношении простираются до того, что и авторитет самого Гегеля им не предел... Понимаю мистическое уважение ученика к своему учителю, но не почитаю себя обязанным, не будучи учеником в полном смысле этого слова, играть роль Сеида. Глубоко уважаю Гегеля и его философию, но это мне не мешает думать... что еще не все приговоры во имя ее неприкосновенно святы и непреложны» (Плеханов. Соч. X, 266).

В черновых заметках, сделанных Плехановым при чтении сочинений Белинского, имеется такая запись: «Менцель навсегда остался в глазах Белинского „идиотом“»; о консерватизме Белинского до сих пор рассуждали более Менцели. Замечательно, что еще до появления «Бориса Годунова» начинается восстание Белинского против правых гегельянцев (стр. 278. Пыпин). Это показывает замечательную самостоятельность его мысли. Восстание, естественно, началось с эстетики, потому что ею больше всего занимался Белинский («Лит. наследие», VI, 146). На стр. 277—279 первого тома книги Пыпина приводится письмо Белинского к И. И. Панаеву от 19 августа 1839 г. В этом письме, говоря о том, что 2-я часть «Фауста» — «не поэзия, а сухая и мертвая символика и аллегорика», Белинский подкрепляет свою суровую оценку поэмы Гете ссылкой на статью Фридриха Фишера, представителя левого направления гегельянцев. Белинский с

явным торжеством пишет, что от Фишера достается «п е р в о м у поколению гегелистов, которые... ослепленные ярким светом гегелевой философии, пустились сгоряча все подводить под нее, и во 2-й ч. „Фауста“ особенно мнили видеть полное осуществление системы Гегеля в сфере искусства» (А. Пыпин. Жизнь и переписка Белинского. Т. I, стр. 278—279).

Цитированное письмо написано Белинским до отъезда в Петербург и до опубликования статей о Бородинской годовщине. Нельзя не отметить и такой детали, как указание Белинского на то, что он еще «прошлую осенью» (т. е. в 1838 г.), «узнавши нечто из содержания 2-й части „Фауста“», безапелляционно осудил ее.

Мы можем констатировать, таким образом, наличие прямых высказываний самого Белинского о том, что уже в конце 30-х годов он далеко не во всем соглашался с Гегелем в вопросах искусства. Более того, мы можем констатировать наличие прямого выступления Белинского против «системы Гегеля в сфере искусства».

Реальное противоречие мировоззрения Белинского примирительного периода состоит в том, что, с одной стороны, он стремился доказать разумность всего существующего, — отсюда и н а п а д к и н а и д е ю «Горя от ума»; а с другой — не хотел закрывать глаз на правду жизни, — отсюда в о с х и щ е н и е ч а с т н о с т я м и грибоедовской комедии, направленными на отрицание той самой действительности, «разумность» которой надо было доказать. Это было противоречие между теоретическим пониманием действительности и практическим отношением к ней. Друзья Белинского, считая, что он чрезмерно увлекается Гегелем, упрекали его в забвении живой жизни, в излишнем резонерстве. Белинский с раздражением отвечал на эти упреки, ни в какой мере не считая их заслуженными. Он писал Боткину: «...Так, да не так, я резонер и рефлектировщик, правда, — но зато, как скоро представляли передо мной дивные явления действительности, в искусстве и жизни, я посылал к чорту свою рефлексию, и никогда не менял ч е л о в е к а н а к н и г у» (А. Пыпин. Жизнь и переписка Белинского. Т. I, стр. 231. — Выделено Белинским). Это письмо написано в феврале 1840 г. Тогда отход Белинского от Гегеля только что начинался, и слова его о том, что он «н и к о г д а н е м е н я л ч е л о в е к а н а к н и г у», ни в коем случае нельзя понимать как самокритику задним числом. Впрочем, еще раньше, в самый разгар увлечения гегелевой философией, Белинский неоднократно заявлял, что беспристрастное и глубокое знание действительности он ставит превыше всего. «Знать ее как бы ни зныть!» — восклицал он (А. Пыпин. Жизнь и переписка Белинского. Т. I, стр. 231).

Плехановская концепция эстетических взглядов Белинского примирительного периода имеет свои плюсы и свои минусы.

Плеханов доказал, что в так называемый «примирительный период» Белинский очень много сделал для создания научной эстетики. Его взгляд на развитие искусства как на законосообразный процесс углубился в эти годы. Это было следствием упорного стремления преодолеть рационалистический метод мышления. Плеханов показал на ряде примеров независимость эстетических взглядов Белинского от эстетики Гегеля.

Объясняя же устойчивость эстетических принципов Белинского их зависимость от немецкой идеалистической эстетики, Плеханов зачеркивал громадной принципиальной важности факт борьбы Белинского против нее. Это тем более странно, что сам же Плеханов первый по-настоящему обратил внимание на этот факт.

Самая большая ошибка Плеханова состоит в том, что он подменил понятие «правдивости» понятием «художественности». Этой подменой Плеханов оторвал литературные взгляды Белинского периода «примирения»

от практики жизни. А сила их как раз состояла в прочной связи с нею. Отмеченная ошибка Плеханова коренится в явной недооценке им практического отношения Белинского к русской действительности.

Подменив понятие «правдивости» понятием «художественности», Плеханов противопоставил эстетические взгляды Белинского его философским взглядам. Он забыл, при этом, свое собственное утверждение, что между ними существовала прямая внутренняя связь и живое взаимодействие. Эта связь яснее всего видна в суждениях Белинского о тех писателях, творчество которых имело для него, главным образом, теоретический интерес и не было непосредственно связано с его практическим отношением к русской действительности. Так было с Шиллером. Плеханов утверждал, что на драмы Шиллера, как на литературные произведения, Белинский всегда «смотрел одними и теми же глазами». Это в корне неверно. И то, что это неверно, видно из рассуждений самого же Плеханова и тех цитат, которые он приводит из Белинского. Сначала, говорит Плеханов, Белинский восхищался драмами Шиллера «и всецело находился под их влиянием» (X, 272). «Смирившись» перед действительностью, он так стал отзываться о Шиллере: «Шиллер хотел в своих драмах осуществить вечные истины и осуществил свои личные и ограниченные убеждения, от которых потом сам отказался. Так как он в них задал себе задачу и назначил цель вне искусства, то из них и вышли поэтические недоноски и уроды, явления соответственно ничтожные в области искусства». Из приведенной цитаты видно, что в «примирительный период» Белинский полностью отрицал Шиллера и с идейной, и с эстетической точки зрения. Плеханов убежден, что Белинский никогда не признавал литературных достоинств за драмами Шиллера. Между тем, Белинский называл их, в некоторые периоды своего развития, «великими созданиями». Плеханов и здесь подменил одно понятие другим. Белинский, действительно, восторгаясь Шиллером, оговаривался, что драмы Шиллера не должно смешивать с настоящей драмой нового мира. Плеханов делает такое заключение из этих слов: «Это значит, что они плохи как драмы и хороши как лирические произведения» (П л е х а н о в. Соч. XXIII, 155). Пусть так, но это совсем не значит что Белинский начисто отрицал всякие литературные достоинства за драмами Шиллера.

Таким образом, между эстетическими и философскими взглядами Белинского периода его «примирения» с русской действительностью существовала и прямая связь, и несомненное противоречие. И то, и другое было отмечено Плехановым, но только в разрозненных суждениях. Общие же его формулировки не охватывали всей этой сложности, ибо они упирались в неверное понимание практического отношения Белинского к русской действительности.

В плехановском анализе литературных взглядов Белинского «примирительного» периода мы можем воспользоваться только частностями. В целом этот анализ оказался значительно менее удачен, нежели анализ философских взглядов Белинского. В своих непосредственных литературно-критических статьях Белинский был несравненно ближе к живой действительности, чем в работах более общего, теоретического характера.

Область практики была всегда менее доступна для анализа Плеханова.

III

«...Становится смешно, — писал Плеханов, — когда вспоминаешь теперь, что в последние годы жизни Белинского некоторые друзья его начинали опасаться, что он уже исписался. А он не только не исписался тогда, но едва успел сделать первые шаги по тому великому пути, который был открыт для него гениальной пронизательностью его мысли. Преждевре-

менная смерть безжалостно убила в нем богатейшие теоретические возможности» («Лит. наследие», VI, 144).

По мнению Плеханова Белинский в конце своего жизненного пути вплотную подошел к историческому материализму. Более того, он стал применять некоторые основные положения исторического материализма в своей критике. Но все же ему не суждено было стать провозвестником нового мировоззрения в России. Иногда Плеханов склонен был объяснять это преждевременной смертью Белинского. Возражая Пыпину, считавшему, что умственное развитие Белинского в последние годы его жизни было отмечено влиянием Конта, Плеханов писал, что, проживи Белинский еще несколько лет, он «сделался бы ревностным адептом... диалектического материализма». Если, рассуждал Плеханов, Белинский ничего не имел против взглядов Маркса «в 1845 году, то почему восстал бы он против них впоследствии, когда они развились и получили прочное обоснование?» (X, 240).

Плеханов не один раз выдвигал подобное предположение. Однако он всякий раз оговаривался, что предполагаемая возможность еще не есть действительность. Доказывая, что Белинский мог бы стать «ревностным адептом диалектического материализма», Плеханов исходил из своего взгляда на Белинского как на предшественника русских марксистов. Марксистом же Белинский не мог стать: взгляды Маркса к тому времени еще не получили своего окончательного выражения. Господствующей философской системой была материалистическая философия Фейербаха. Порвав с Гегелем, Белинский становится последователем Фейербаха, но никогда не разделяет его взглядов до конца. В вопросах истории общественного развития, — а это были основные вопросы для Белинского, — Фейербах был идеалистом еще в большей степени, чем сам Гегель. Естественно, что Белинский никогда не принимал Фейербаха полностью.

Идею отрицания путем развития Белинскому приходилось решать самостоятельно. Вскоре после разрыва с Гегелем он становится социалистом по своим политическим убеждениям. Это был период господства утопического социализма. И подобно тому как в области философии Белинского не могли устроить ни Гегель, ни Фейербах, так и в области политики его не могли удовлетворить утопические социалисты. Он подверг их очень резкой критике в своих письмах второй половины 40-х годов. Плеханов писал: «Его раздражение против утопического социализма, стоявшего на почве абстрактного отрицания существующего порядка вещей, выросло тем сильнее, чем болезненнее сознавал он необходимость найти конкретную, действительную почву для своего отрицания действительности» (Плеханов. Соч. X, 344).

Критикуя социалистов-утопистов, Белинский высказывал совершенно правильные мысли относительно исторической роли капитализма и буржуазии. Историческая роль пролетариата не была понята им, тем не менее его взгляд на народ был неизмеримо более прогрессивен, нежели взгляд социалистов-утопистов. Последние воспринимали народ рационалистически. Они идеализировали народ, не замечая в нем отрицательных сторон, от которых он должен был отказаться, которые должен был преодолеть. Взгляд Белинского на народ отличается трезвостью. Белинский видел и его достоинства и его недостатки.

«Отрицая утопический социализм, — пишет Плеханов, — мысль Белинского работала в том же самом направлении, в каком уже начала тогда работать революционная мысль Запада. Философия Гегеля сменилась философией Фейербаха. Философия Фейербаха уступила место революционному научному социализму Маркса и Энгельса. Этот социализм был ответом на все теоретические запросы Белинского» (Плеханов. Соч., X, 347—348).

Рассказы свещенца	372
Сочинения Фот. Визант. кн. 2.	385
Главная черта изъ старой описки Календаря	387
Сопредеания ваттас	395

1848.

СОБРАНИЕ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Взгляд на русскую литературу въ 1847 году	391
Второе полное собрание сочинений Маршанского	411
Евгений люд. романъ О. Дюссоменга	446
Китай въ графикахъ и нравственныхъ отношеніяхъ, соч. Календ.	448
Параллели пастыря П. Греча	455
Селенское вѣдѣніе, Кн. IV.	457
Нѣсколько словъ о чтеніи романовъ	467
Новая библиотечка для воспитаніи. Кн. VIII и IX.	472
Богословическое дѣла, соч. Жюльенъ Лабетт. — Дѣтскія игрушки	473
Вечеръ въ павильонѣ	479
Цѣна, утретіе соч. Кѣрпора	481
Разсказы дѣтскіе изъ древняго міра Е. Визьера	484

360-сп.переводы
362-Молоты
363-Пармиданд
369-1848, по переводу
373-Фот. Визант. 374-Жан. 378-Жан
378-сп.переводы 384-Жан
387-8-Пармиданд
388-396-8-сп.переводы
401-0 роману и катъ-сп. Буржана
402-Фрейсбрата. 411-Молоты
413-Пармиданд
417-Пармиданд
433-Молоты

В отличие от социалистов-утопистов, в отличие от Гегеля и Фейербаха, Белинский вплотную подошел к пониманию классовой борьбы, как основной силы исторического движения. Недостаточная развитость общественных отношений в русской жизни той эпохи помешала Белинскому полностью и до конца разработать классовый принцип анализа социальных явлений. Тем не менее, в отношении Западной Европы Белинский определенно высказывал мысль, что источником движения ее вперед является взаимная борьба классов. Что касается России, источник ее развития Белинский нередко усматривал в особенностях русского народа, русской личности.

Плеханов говорит, что Белинский оставался диалектиком, поскольку «дело касалось общественного развития Западной Европы», и становился просветителем «в тех случаях, когда у него заходила речь о развитии России» (П л е х а н о в. Соч., XXIII, 208).

Вот почему у Плеханова была и другая гипотеза относительно возможного развития Белинского, если бы его не сразила ранняя смерть. Плеханов думал, что если бы Белинский дожился до второй половины 50-х годов, он мог бы стать вождем «тогдашних просветителей».

К просветительству у Плеханова было двойственное отношение. Он считал, что просветительство принесло большую пользу общественному развитию России в практическо-политическом отношении. Плеханов так пишет об этом в своей статье «Литературные взгляды Белинского»: «В борьбе против отжившего свой век порядка такой отвлеченный, а потому односторонний, взгляд на вещи иногда даже очень полезен» (П л е х а н о в. Соч., X, 290). Более решительное высказывание на этот счет мы находим в конце указанной статьи. Отметив, что Белинский порою отклонялся от диалектики к просветительству, Плеханов так закончил свою статью: «Такие отклонения, неизбежные при наших тогдашних исторических условиях и по-своему очень полезные (разрядка наша. — Б. Б.) для нашего общественного развития, сделали из него родоначальника русских просветителей». (П л е х а н о в. Соч., X, 304).

Если в практическо-политическом отношении просветительство сказывалось положительно на общественном развитии России, то в теоретическом плане оно не всегда способствовало научному объяснению общественных явлений, препятствуя «всестороннему изучению предмета». Благодаря просветительству «литературная критика превращается в публицистику» (П л е х а н о в. Соч., X, 290).

Плеханов и здесь остался верен себе. Он разделил деятельность Белинского на две части: практическо-политическую и теоретическую. Как практик-просветитель Белинский делал большое и важное дело; как теоретик-просветитель он тянул русскую общественную мысль назад от тех великих завоеваний, которые были достигнуты им самим.

Иначе решал вопрос о просветительстве Ленин. Он не отделял теории от практики. Он называл просветителей предшественниками русских марксистов, так как содержание их идеалов и пожеланий соответствовало «интересам тех классов, которые создаются и развиваются капитализмом» (В. И. Ленин. Соч. Изд. 4-е. Т. II. М.—Л., стр. 493).

Это различие между Лениным и Плехановым в подходе к наследию носит глубоко принципиальный характер.

Ленин обращал свое главное внимание на ту сторону наследия, которая нужна была рабочему классу для его непосредственной революционной борьбы, для завоевания власти. Говоря о близости просветителей к русским марксистам, Ленин отмечал исторический оптимизм и тех и других и соответствие их идеалов интересам широкий народных масс.

Плеханов искал у просветителей только то, что нужно было для теоретического обоснования революции, но как раз этот вопрос у них

был слабо разработан. Они не раскрыли и не могли раскрыть в своих трудах всю глубину противоречий капиталистического общества. Они сильны были своим историческим оптимизмом, своими идеалами, а не теоретическим обоснованием их. Сделав упор на теоретической стороне вопроса, Плеханов явно недооценил просветительство. Поэтом и деятельностью Белинского как основоположника русского просветительства получила весьма одностороннюю оценку в работах Плеханова. Для нас важно, однако, отметить здесь, что, несмотря на все оговорки и на явные и крупные ошибки Плеханова в этом вопросе, он считал просветительство выдающимся революционным фактором в общественном развитии России.

Перейдем теперь к плехановской характеристике литературных взглядов Белинского последних лет его жизни.

В новом своем периоде — периоде революционно-демократического самоопределения — Белинский пересмотрел свой взгляд на задачи литературной критики. Раньше он говорил, что в произведениях поэта критика обязана найти общее и необходимое, а до временного и случайного ей нет никакого дела. Теперь он считает незаконным противопоставление общего и необходимого случайному и временному. Общее развивается во времени, придавая временным явлениям их смысл и содержание. Перемена во взгляде Белинского очевидна. Она обусловлена «введением в него диалектического элемента» (Плеханов. Соч., X, 267) и связанного с ним исторического метода оценок.

С позиций новых своих воззрений Белинский ведет непримиримую борьбу с «чистым искусством». Он требует от поэта, чтобы тот был гражданином своей страны, сыном своего времени. Только в этом случае поэт сможет уловить и выразить в своей поэзии дух эпохи.

С позиций новых своих воззрений Белинский уточняет и исправляет некоторые свои прежние оценки европейских и русских поэтов. Раньше он называл Корнеля и Расина поэтическими уродами, думая, что их погубил принцип трех единств, которому они якобы слепо подчинились. Теперь он увидел, что в трагедиях Корнеля и Расина, несмотря на всю их условность и неправдоподобие, была выражена определенная историческая истина.

Пожалуй, наиболее ярким проявлением новых воззрений Белинского Плеханов считал его статьи о Пушкине. Идеи творчества Пушкина Белинский приурочивал «к развитию русских общественных отношений, к исторической роли и смене наших сословий» (Плеханов. Соч., X, 302). Это, действительно, было целым переворотом в литературной критике как русской, так и европейской. Плеханов сопоставляет Белинского с буржуазным историком искусства Микиельсом, выпустившим в 1844 г. книжку о фламандской живописи. Микиельс, этот предшественник Тэна, поставил в своей книжке вопрос о зависимости искусства от общественной жизни и о соответствии определенным фазам общественного развития определенных форм искусства. Белинский в своих работах ставил тот же вопрос, но он ставил его неизмеримо более конкретно и давал ему неизмеримо более правильное, материалистическое решение.

Микиельс не имел еще понятия о классах и классовой борьбе. Белинский «уже понимал важное значение этого обстоятельства, хотя еще не совсем уяснил его себе» (Плеханов. Соч., X, 303). Историзм Белинского поэтом был конкретным, со значительной долей материалистических элементов. Он впервые начал «применять некоторые основные положения исторического материализма к изучению истории литературы» («Лит. наследие», VI, 143).

Белинский материалистически объяснял формулу: «Поэт — гражданин своей страны, сын своего времени». Он утверждал, что только тот

поэт может стать истинно великим, который целиком отдаст себя своей эпохе, злобе дня, не боясь растратить свой талант на «мелочи жизни».

Однако Белинский, по определению Плеханова, был не только диалектиком, но и просветителем. В анализе литературных явлений он непосредственно применял выработанный им исторический и классовый принцип.

Онегин, Ленский, Татьяна рассматриваются критиком, как представители передового дворянства того времени. Тут у Плеханова нет никаких расхождений с Белинским. Но свои характеристики героев Пушкина Белинский не во всем согласует с их классовой природой.

Плеханов пишет: «Белинский, несомненно, идеализирует Онегина (он не вполне исторически смотрит на него, а отчасти и субъективно)». Такой же упрек, но в более решительной форме, делает Плеханов Белинскому за анализ характера Татьяны. В своих записях Плеханов отмечает те страницы статей Белинского о Пушкине, где речь идет о характере воспитания русской девушки, в которой видели не человека, а невесту. Белинский с возмущением пишет об этом. Плеханов делает такое замечание по поводу этого возмущения: «Проповедь просветителя». Отмечены Плехановым и те страницы, где Белинский нападает на Татьяну за то, что она подчинилась мнению света и его житейским правилам. Плеханов одним словом характеризует эти нападки Белинского: «Просветитель». «Принцип класса, — пишет Плеханов, подразумеваемая известная формулировка Белинского, — для Пушкина вечная истина. Но ведь и для Татьяны тоже» («Лит. наследие», VI, 114). Значит, все черты ее характера надо было выводить из ее дворянского происхождения.

Противоречие между просветителем и диалектиком устанавливает Плеханов и в общей оценке Белинским Пушкина, как национального и народного поэта. Приводим цитату из тех же самых черновых набросков: «Национальный ли поэт Пушкин? Белинский отвечает на этот вопрос очень сбивчиво: см. субстанцию и проч. А в действительности очень национальный: и русский, и помещичий в лучшем смысле». Тут же Плеханов ставит вопрос о народности Пушкина и ее понимании Белинским. «Народность Пушкина: Что-то слышится родное в долгих песнях ямщика. Сколько поэзии в стихотворении: Зима, что делать нам в деревне? Но это поэзия помещичьего быта» («Лит. наследие», VI, 114 и 115).

Вопрос о народности Пушкина — это вопрос об исторической роли великого поэта и о его значении для грядущих поколений.

Для Белинского Пушкин народен, потому что он выразил самосознание нашего народа в известную эпоху его жизни.

Для Плеханова Пушкин народен лишь постольку, поскольку класс, к которому поэт принадлежал, дворянство, представлял собою часть русского народа.

В статьях Белинского о Пушкине есть, конечно, противоречия. В частности, Белинский не «согласовывает» свои определения Пушкина, как поэта типично дворянского, с одной стороны, и как народного и национального поэта, с другой. Плеханов не мог не заметить этого противоречия, но, заметив, не сумел преодолеть его. Он просто растворил национальное начало в классовом и тем самым страшно сузил и до бесконечности обеднил поэзию Пушкина.

Ошибка Плеханова в его рассуждениях о народности Пушкина и об исторической роли и значении его поэзии однородна с той ошибкой, которую он допускал в отношении к просветителям. Ленин судил о просветителях, руководствуясь теорией отражения. Он исходил из реального содержания их идеалов. Для Плеханова эти идеалы имели второстепенную цену. Его, главным образом, интересовало то, какими путями шли

просветители к своим идеалам. Методология Плеханова, тесно связанная с его меньшевистскими позициями, в известном смысле противоположна методологии Ленина. Ленин обращал главное внимание на результаты, Плеханов — на процесс, которым они достигнуты. В применении к искусству плехановский метод анализа общественных явлений сосредоточивал внимание исследователя не на объективном содержании творчества того или иного художника, а на субъективных намерениях его.

Принося практику в сравнении с теорией, Плеханов никогда, однако, не отрицал значение практики. Иногда Плеханов пытался поставить между ними — между теорией и практикой — некий знак равенства.

В одной из своих статей, сопоставляя диалектику Белинского с его просветительством, Плеханов писал: «Я вовсе не разбираю, что лучше: я... отвергаю... категорию должного. Все хорошо на своем месте. Но я нахожу, что одно совсем не похоже на другое и может быть смешано с ним только при отсутствии ясности в понятиях. И я прибавлю: если просветительский взгляд Белинского на задачи искусства получил у нас широкое распространение в эпоху 60-х годов, то великая научная задача, поставленная им эстетике, еще далеко не решена теперь в своем полном объеме и может получить решение только в более или менее отдаленном будущем» (Плеханов. Соч., XXIII, 219).

Хоть Плеханов и говорит, что он отвергает категорию должного, симпатии его явно на стороне Белинского-диалектика. Тем не менее он отдавал должное и Белинскому-просветителю. Вот это-то и важно для нашего дальнейшего изложения.

Белинский как диалектик вырабатывал идею отрицания путем развития; Белинский как просветитель осуществлял само отрицание «гнусной российской действительности». По Плеханову, Белинский-просветитель решал революционную задачу, он был революционером. Плеханов сожалеет только о том, что просветительский взгляд Белинского мало способствовал разработке научной эстетики. Вместе с тем, Плеханов устанавливает, что Белинский как критик, опираясь на свои просветительские принципы, предъявлял революционные требования к литературе.

Именно как просветитель Белинский выступил теоретиком натуральной школы. Вопрос этот в законченных и опубликованных работах Плеханова чрезвычайно слабо освещен. Нам приходится, поэтому, обращаться главным образом к архивным материалам.

Среди бумаг, исписанных рукою Плеханова и хранящихся в его архиве, имеется набросок, содержащий такую запись: «...Белинскому не удалось дать своей критике научную основу, искомую им... Вернувшись к отрицанию, он стал требовать от художника служения отрицательной идее, т. е. идее борьбы с невыносимой российской действительностью» (Рукопись — архив Дома Плеханова).

Проводя на практике идею отрицания, Белинский ставил определенные критические задачи перед писателями. Так создалось целое направление в русской литературе. Возглавляли его Белинский и Гоголь. Имена их Плеханов ставил рядом. В другой своей заметке, также еще не появлявшейся в печати, он писал: «К концу 40-х годов Гоголь и Белинский разошлись совершенно в противоположные стороны. Гоголь издал свою „Переписку с друзьями“, где он явился апологетом тех самых порядков, которые беспощадно осмеивались в его художественных произведениях. Белинский ответил на это своим знаменитым „письмом“, в котором он является почти революционером. Дальше этого разногласие идти не могло, но дело их литературного отрицания было, вообще говоря, уже сделано, и потому, несмотря на это расхождение, имена их остаются тесно связанными в истории русской литературы» (Рукопись — архив Дома Плеханова).

Идея отрицания у Белинского, породившая «оппозиционное направление» в русской литературе, была высоко гуманистичной идеей. Одной из основных причин восстания Белинского против Гегеля было то, что его идеалистическая философия принципиально антигуманистична. Вспомним еще раз чрезвычайно глубокое замечание Плеханова, сделанное в связи с анализом отношения Белинского к Гегелю: «Вся философия Гегеля была направлена на то, чтобы умирять личность». Гегель, как это показал Плеханов в своих работах о Белинском, не признавал за индивидуальным, конечным, человеческим разумом права судить о законах истории. В статье «Белинский и разумная действительность» Плеханов цитирует из письма Белинского такие строки, «адресованные» Гегелю:

«Благодарю покорно, Егор Федорович, кланяюсь Вашему философскому колпаку; но, со всем подобающим Вашему философскому филистерству уважением, честь имею донести Вам, что если бы мне и удалось влезть на верхнюю ступень лестницы развития, я и там попросил бы Вас отдать мне отчет... во всех жертвах случайностей, суеверия, инквизиции, Филиппа II и пр. и пр.; иначе я с верхней ступени бросаюсь вниз головою. Я не хочу счастья и даром, если не буду спокоен насчет каждого из моих братьев по крови...» (Плеханов. Соч., X, 235).

Во имя любви к человеку Белинский развивал идею отрицания в теории и осуществлял ее на практике. Идея отрицания Белинского явилась теоретическим основанием для создания натуральной школы.

В тетрадях с материалами Плеханова к работе «Виссарион Белинский и Валериан Майков» мы находим несколько выписок из статьи Майкова о Кольцове, напечатанной в 49-м томе «Отечественных записок» за 1846 г. Мы приводим здесь три рядом стоящие выписки:

«По новейшим эстетическим принципам, воображению художника дается полная свобода воспроизводить всякую действительность, между тем как классицизм и романтизм ограничивали мир искусства, первый какой-то чрезвычайно деликатной атмосферой приятного..., последний — не менее тесным миром не о б ы к н о в е н н о г о, эксцентрического...»

«Грязь, оставаясь грязью под кистью копииста, превращается на картине талантливого художника в такую же поэзию, как и всякая другая действительность, — из этого следует также, что возможность наслаждения изящным произведением, в котором много такого, что нынче называют г р я з н ы м, а в старину называли подлым, зависит от филантропического развития читателей...»

«В стихах Кольцова „Человек так слит с крестьянином, что... нельзя не почувствовать самой нежной любви к кафтану и лаптям“».

После этой выписки Плеханов написал: «У Белинского та же мысль принимает революционный, а не филантропический характер. См. в его письме к Кавелину о натуральной школе» (Рукопись — архив Дома Плеханова).

Обратимся к этому письму. Оно помещено во втором томе книги А. Пыпина «Жизнь и переписка В. Г. Белинского». Приведем из него одну выписку, — то место, которое отчеркнуто рукою Плеханова и которое он, безусловно, имел в виду, делая свое замечание по поводу рассуждений В. Майкова о натуральной школе и о стихах Кольцова. Вот это место: «Что хорошие люди есть везде, об этом и говорить нечего; что их на Руси, по сущности народа русского, должно быть гораздо больше, нежели как думают сами славянофилы (т. е. истинно хороших людей, а не мелодраматических героев), и что, наконец, Русь есть по преимуществу страна крайностей и чудных, странных, непонятных исключений, — все это для меня аксиома, как дважды два четыре. Но вот горе-то: литература все-таки не может пользоваться этими хорошими людьми, не впадая в идеализацию, в реторику и мелодраму, т. е. не может представлять их художе-

ственно такими, как они есть на самом деле, по той простой причине, что их тогда не пропустит цензурная таможня. А почему? Потому именно, что в них человеческое в прямом противоречии с той общественной средой, в которой они живут. Мало того: хороший человек на Руси может быть иногда героем добра, в полном смысле слова, но это не мешает ему быть с других сторон гоголевским лицом; честен и правдив, готов за правду на пытку, на колесо, но невежда, колотит жену, варвар с детьми и т. д.» (А. Пыпин. Жизнь и переписка В. Г. Белинского. Т. II, стр. 318. — Цитата дана по экземпляру книги, принадлежавшему лично Г. В. Плеханову).

Вопрос об отношении искусства к народу являлся едва ли не основным вопросом для революционной эстетики Белинского. Валерьян Майков в этом вопросе, со своей «нежной любовью к кафтану и лаптям», оказывался в общем русле социалистов-утопистов и славянофилов. Белинский противостоял им своим революционным отношением к народу. И его нередко обвиняли в том, что он не любил русский народ. Обвинение это шло из разных лагерей: из лагеря западников и из лагеря славянофилов. «Даже А. Н. Пыпин, — говорит Плеханов, — составил себе... неправильное представление о том, как относился Белинский к народу» (Плеханов. Соч., XXIII, 220). У Белинского есть несколько резких выражений по адресу «русских мужиков». И эти выражения смущали Пыпина. Он не мог найти для них смягчающих обстоятельств. Пыпин, говорит Плеханов, не заметил того, что резкие выражения Белинского направлены были лишь против тех черт русского народного характера, в которых были повинны угнетатели народа, а не сам народ. Идея отрицания путем развития, направленная против дурных сторон действительности, позволяла Белинскому трезво оценивать народ, с одинаковым вниманием отмечать как положительные, так и отрицательные черты его характера. Только при этом условии можно было увидеть в народе воплощение той силы, которая была бы способна осуществить на деле идею отрицания. Величие Белинского в том и состоит, что все надежды свои на лучшее будущее он связывал с народом. Но твердо веря в богатырские силы русского народа, Белинский считал, что кто-то, — может быть русская интеллигенция, — должен двинуть их в нужном направлении. В этом сказалась историческая ограниченность деятельности Белинского. И эта ограниченность была преодолена до конца только русскими марксистами.

Свой анализ взглядов Белинского на русский народ и его историю Плеханов заключает следующими выразительными словами: «На него клеветали, когда говорили, что он с презрением смотрел на русский народ. Он утверждал, что „из памятников русской народной поэзии можно доказать великий и могучий дух народа“ и что „вся наша народная поэзия есть новое свидетельство бесконечной силы духа“» (Плеханов. Соч., XXIII, 188).

Мы не ставили перед собой цель исчерпать все вопросы, поднятые и решенные Плехановым в его замечательных статьях о Белинском. Мы стремились к тому, чтобы выявить и изложить основную тенденцию этих работ, рисующих Белинского как одного из величайших мыслителей XIX в., как основоположника научной философии русской истории и научной эстетики, как предшественника русских марксистов.

Глубочайшая самостоятельность Белинского как философа, социолога и литературного критика — вот основополагающая идея статей Плеханова о Белинском, и в этом их величайшая ценность. Мы убеждены в том, что эти статьи, после гениальных замечаний Ленина и Сталина о Белинском, являются самыми значительными и научно самыми плодотворными среди огромнейшего количества работ о великом критике. И критическое

освоение их может принести очень большую пользу делу изучения литературной деятельности Белинского.

В заключение нельзя не сказать о той горячей любви к великому критику, которой проникнуты все статьи Плеханова, о той непримиримости, которую проявлял Плеханов в борьбе со всеми теми, кто сознательно или бессознательно искажал моральный облик Белинского и исторический смысл его литературной деятельности.

В статье «О Белинском» Плеханов приводит выписку из статьи Ивана Киреевского, в которой «Отечественные записки» как литературная трибуна Белинского сопоставляются с «Маяком», журналом мракобеса Бурачка. Смысл этого сопоставления состоит в том, что тогда как «Маяк», по словам Киреевского, вполне критически относился к культуре Западной Европы, «Отечественные записки» якобы стремились только к тому, чтобы «выражать собою самую модную мысль, самое новое чувство из литературы западной».

Приведя это сопоставление, Плеханов пишет: «Ехидство заключается здесь в том, что, по словам И. Киреевского, „Отечественные записки“, т. е. опять-таки Белинский, стремятся лишь подхватить и высказать самую модную на Западе мысль. Кто знает искренность и глубину мысли Белинского, тому понятно, что возражать на это не стоит» (Плеханов. Соч., XXIII, 187).